

Миниатюры с «авторскими портретами» в рукописях Великого Новгорода последней трети XIV века

© 2019

УДК 75.056(470.24-25)“136/140”

ББК 85.14(2)

С50

Поступила в редакцию 22.03.2019

Среди русских иллюстрированных рукописей, дошедших до нас от XIV столетия, сравнительно малое место занимают такие, где в миниатюрах изображены повествовательные (а иногда и символические) сцены, иллюстрирующие текст книги. Это Хроника Георгия Амартола, первой трети XIV в. (РГБ. Ф.173/1. Собр. МДА. № 100), относящаяся к художественному наследию Твери [Матвеевко, Щёголева, 2006–2011], а также новгородская Симоновская Псалтирь второй четверти XIV в. (ГИМ. Хлуд. 3) [Турилов, 1998] и цикл миниатюр последней четверти XIV в., сопровождающих Сказание о Борисе и Глебе (РГАДА. Ф. 381. Син. тип. № 53) [Сказание, 1985]. Вряд ли можно сомневаться в том, что таких рукописей с сериями иллюстраций, относящихся к цельному повествованию о событиях или содержащих символическое истолкование текста, существовало намного больше, чем сохранилось до нашего времени.

Однако ведущую роль в русской книжной иллюстрации XIV столетия, и в частности в новгородской миниатюре, играют не серии сюжетных, многофигурных сцен, а изображения отдельных персонажей. Иногда они показывают тех святых, чьи краткие Жития содержатся в тексте, например, в двух новгородских Прологах — Погодинском (РНБ. Погод. 59) и Типографском (РГАДА. Ф. 381. Син. тип. № 162). Но чаще всего изображения являются «авторскими портретами» составителей текста¹. В таких композициях, в свою очередь, намечаются свои разновидности.

Обратившись к этому материалу, мы обнаруживаем существенную особенность так называемых авторских портретов в сохранившихся новгородских рукописях. Это преобладание фронтальных изображений. Лишь в редких случаях, а именно в двух памятниках второй четверти XIV в. — в изображе-

нии пророка Давида в одной из выходных миниатюр Симоновской Псалтири (л. 6 об.) и четырех евангелистов в Евангелии ГИМ. Хлуд. 30² [Попова, 2003. С. 205–230], а также в фигурах Иоанна Златоуста и Василия Великого в Служебнике Теодоровича (Нью-Йоркская публичная библиотека. Cod. Slav. 1), второй половины — третьей четверти XIV в. [Смирнова, 2005. С. 54–73], составители священных текстов изображены в ракурсе: либо стоя, обращенными к престолу с киворием, либо сидя, в окружении мебели и построек. Особое место занимает миниатюра Симоновской Псалтири с фронтальным изображением стоящего пророка Давида вместе с многочисленными музыкантами (л. 1 об.). Что же касается остальных дошедших до нас новгородских иллюстрированных рукописей, особенно тех, которые созданы в последней трети XIV в., содержат ли они тексты Евангелия, Псалтири либо же поучений отцов Церкви, то эти произведения украшены фронтальными (или почти фронтальными) портретами авторов, представленных или стоя в полный рост, или по пояс, или сидя, в обращении к зрителю, причем без признаков меблированного интерьера. Складывается впечатление об определенной иконографической тенденции в местной книжной культуре. Весьма вероятно, что эта особенность определяется не только стремлением новгородских художников к упрощению и наибольшей ясности композиций, но и местной интонацией культуры.

Использование же, сравнительно редкое, другой иконографии, обнаруживающееся в рукописях второй четверти XIV в., как в миниатюре с сидящим у стола Давидом в Симоновской Псалтири и в композициях с сидящими евангелистами в Евангелии ГИМ. Хлуд. 30, можно объяснить и старым местным наследием, и византийскими связями новгородской культуры, усилившимися на том этапе, и специальной ориентацией миниатюристов — как в стиле, так и в иконографии — на те весьма распространенные византийские прототипы, где авторы текста изображены за работой, в процессе творчества.

Предваряя обзор наиболее интересующих нас памятников последней трети XIV в., напомним об определенной изобразительной тенденции, проявляющейся уже в новгородских произведениях конца XIII — самого начала XIV в. с «авторскими портретами» в рост. Так, фронтально, в рост представлен святитель Иоанн Златоуст в двух новгородских Служебниках конца XIII — раннего XIV в.: так называемых Соловецком (РНБ. Сол. 1017/1126) и «Служебнике Антония Римлянина» (ГИМ. Син. 605) [Попова, 2003. С. 172. Ил. 198, 199]. Условное название второго Служебника восходит к преданию о принадлежности рукописи прославленному новгородскому святому XII в., носившему такое имя. Эти изображения, годы создания которых разделены, вероятно, не таким уж большим интервалом, обнаруживают, однако, приметы двух разных художественных периодов в истории новгородской книжной миниатюры. В первой рукописи еще сохраняется то величие и отрешенность образа, которые были характерны

¹ Материал, рассматривающийся в настоящей статье, был частично затронут, но в ином аспекте, в другой публикации автора: [Смирнова, 2012].

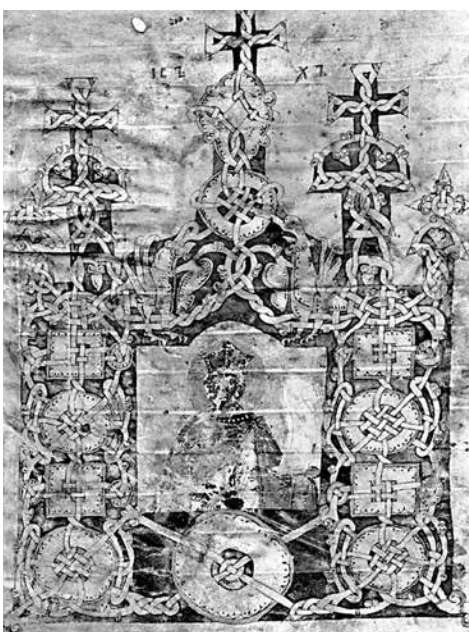
² Стиль и образ целого ряда произведений, упоминающихся в настоящей статье, были рассмотрены в работах О.С. Поповой [Попова, 1975; Попова, 1983 и др.]. В нашей статье даются ссылки на переиздание ее статей в сборнике: [Попова, 2003].

1

2

3

ил.1 Евангелист Матфей. Миниатюра Музейского Евангелия. Новгород. Последняя треть XIV в. ГИМ. Муз. 3651. Л. 16 об.

fig.1 Matthew the Evangelist. Illumination from the Museum Gospel. Novgorod. Last third of the 14th century. State Historical Museum. Mus. 3651. Fol. 16

ил.2 Пророк Давид. Миниатюра «Псалтири Ивана Грозного». Новгород. Последняя треть XIV в. РГБ. Ф. 304. Троицк. III. № 7 (М. 8662). Л. 19 об.

fig.2 David the Prophet. Illumination from the "Psalter of Ivan the Terrible". Novgorod. Last third of the 14th century. The Russian State Library. F. 304. Troitsk. III. No. 7 (M. 8662). Fol. 19 ob.

ил.3 Пророк Давид. Миниатюра Псалтири. Псков. Конец XIV в. РНБ. Ф.п.1.1. Л. 1

fig.3 David the Prophet. Illumination from the Psalter. Pskov. Late 14th century. The Russian National Library. F p 1.1. Fol. 1

для новгородского искусства позднего XIII столетия. Между тем в миниатюре «Службника Антония Римлянина» заметна другая, менее пафосная, интонация. Орнаментальное убранство Соловецкого Службника еще связано с художественными традициями позднего XIII в., изредка проявляющими себя в начале следующего столетия³, а орнамент «Службника Антония Римлянина», с синими фонами и тончайшими киноварными контурами, является одним из примеров нового варианта русской тератологии, возникшего приблизительно на рубеже XIII и XIV вв. или в начале XIV в.⁴ Тем не менее миниатюристы обеих рукописей повторили единый иконографический принцип: фронтальность фигур, обращенных к читателю книги.

Остальные «авторские портреты» с изолированными фронтальными фигурами, сохранившиеся в новгородской книжной иллюстрации, относятся уже к последней трети XIV в. и образуют основной предмет нашего исследования. Состав новгородских лицевых рукописей с такими изображениями, сохранившимися от этого времени, относительно невелик. Это прежде всего произведения 1370–1380-х гг.: Музейское Евангелие (ГИМ. Муз. 3651) [ил.1] (его иконография варьируется — с упрощением — в двух сохранившихся миниатюрах из утраченной новгородской рукописи конца XIV в., ГИМ. Щук. 10а [Попова, 2003. С. 231–250]) и «Псалтирь Ивана Грозного» (РГБ. Ф. 304. Троицк. III, № 7 / М. 8662 [Смирнова, 2006. С. 405–426]) [ил.2], а также два сочинения отцов Церкви — Службник Иоанна Златоуста (ГИМ. Син. 600), 1400 г., и Слова Григория Богослова (ГИМ. Син. 43) конца XIV в. или, возможно, рубежа XIV–XV столетий. Назовем также две Псалтири с изображениями пророка Давида: новгородскую (РГБ. Ф. 205. № 167) и другую (РНБ. Ф.п.1.1) [ил.3], псковского происхождения, но с чисто новгородской структурой композиции [Розов, 1968. С. 87, 89. Ил. с. 88; Лифшиц, 2004. С. 380. Цв. ил. 29]. Особенность перечисленных произведений с фронтальными фигурами — это обращенность изображений в сторону зрителя, более активная связь их образа с теми, кто видит эти книжные миниатюры, раскрывая рукопись во время богослужения или благочестивого чтения.

Можно предположить, что выбор такой «фронтальной» иконографии был сознательной акцией художника. Иначе трудно объяснить, например, использование очень редкой композиции (правда, главная фигура написана в XVII–XVIII вв.) с пророком Давидом в Псалтири конца XIV в. (РГБ. Ф. 205. № 167. Л. 1 [Вздорнов, 1975. Ил. с. 261]), где Давид изображен сидящим фронтально, с разведенными в стороны и приподнятыми руками, причем правая рука сложена в благословляющем жесте, а на левой он держит раскрытую книгу. Так Давид иногда изображался в византийских рукописях, в окружении музыкантов [Cutler, 1984. Ill. 176, 281]. Существующее изображение в рассматриваемой новгородской Псалтири исполнено в XVII–XVIII вв., возможно, поверх или

3 Ср. орнамент в Евангелии апракос 1307 г., ГИМ. Син. 740. Л. 1 об. [Щепкина, 1974. Ил. с. 223].

4 Смирнова Э.С. Тератологический орнамент русских рукописей. Вопрос о стилистическом переломе в первой четверти XIV века. Доклад на Лазаревских чтениях в МГУ 5 февраля 2019 г.

ил.4 Запись писца Фёдора и миниатюра с изображением пророка Давида. Псалтирь. Конец XIV в. РГБ. Ф. 205. №167. Л. 1. Фигура пророка исполнена в XVII–XVIII вв.

fig.4 Inscription of the scribe Fyodor and a miniature with the image of David the Prophet. Psalter. Late 14th century. Russian State Library. F.205. No.167. L.1. The figure of the prophet was added in 17th–18th century

Э.С. Смирнова
Миниатюры с «авторскими портретами»

вместо первоначального. Верхняя часть того листа, где помещена миниатюра, занята записью Фёдора [ил.4], известного новгородского писца, переписавшего эту рукопись. На оставшемся участке пергамена в данном случае трудно было красиво расположить фигуру в рост, да еще в обрамлении в виде храма. Поэтому художник выбрал иконографию сидящего Давида, но изображенного не в пол-оборота, записывая текст, а в образе автора Псалтири, обращенного к читателю. Очевидно, фронтальный образ больше привлекал новгородского миниатюриста.

Между тем другие дошедшие до нас от того же времени русские иллюстрированные рукописи с авторскими портретами, принадлежащие не к новгородскому, а к московскому кругу или созданные в Северо-Восточной Руси, строятся, как правило, иначе. Это авторы-писцы, восседающие за своими столиками и пюпитрами, пишущие или задумавшиеся над текстом. Как правило, они представлены в трехчетвертных поворотах и не обращены к тому, кто рассматривает рукопись. Укажем Евангелие тетр (РГБ. Ф. 247. Рогожск. №136 [Вздорнов, 1980. Кат. 52]), Евангелие апракос рубежа XIV–XV вв. (Научная библиотека МГУ. 2 Вг 43 [Вздорнов, 1980. Кат. 53]), Постнические слова Василия Великого (РНБ. Ф.п.1.40 [Смирнова, 2012]). Упомянем, не исчерпывая тему, и некоторые памятники раннего XV в. — два Евангелия (ГИМ. Чуд. 3; ГИМ. Усп. 4бум.) [Вздорнов, 1980. Кат. 55, 56]. Нам известна лишь одна московская миниатюра с изолированной фронтальной фигурой автора: это небольшое изображение Василия Великого, по пояс, в малом формате, вставленное, при явном недостатке места, в один из двух столбцов рукописного текста Слов постнических Василия Великого, 1388 г. (ГИМ. Чуд. 10. Л. 1 об. [Вздорнов, 1980. Кат. 32]).

Склонность московских книжных мастеров именно к иконографии с сидящими авторами, изображенными в ракурсе, пишущими или размышляющими над создаваемым текстом, погруженными в эту свою работу, а вовсе не смотрящими в сторону зрителя (читателя), который так или иначе общается с рукописью, подтверждается и миниатюрами московского Евангелия апракос (ГИМ, Воскр. 2 [Вздорнов, 1980. Кат. 54]), где художник по каким-то причинам не представил сами фигуры, но исполнил (сам или его помощник-орнаментатор) широкие тератологические обрамления, куда, судя по их пропорциям, должны были быть помещены опять-таки не фигуры в рост, а изображения именно сидящих евангелистов.

Мы выдвигаем предположение о том, что преобладание в новгородских рукописях совсем других, фронтальных (или близких к фронтальным) авторских фигур объясняется не только упрощением композиции, которое связано с особенностями новгородской культуры. Речь идет о стремлении местных мастеров более ощутимо передать духовное обращение автора текста к тому, кто созерцает композицию, чем это выражено в московских миниатюрах того же времени. Даже при отвлеченной характеристике образа в тех новгородских миниатюрах, где взгляды изображенных устремлены чуть в сторону или в неопределенную даль и не встречаются со взглядом зрителя, сам фронтальный

разворот фигуры обеспечивает явственную композиционную связь мира образа и мира тех, кто созерцает этот образ.

Среди новгородских рукописей последней трети XIV в. Музейское Евангелие (ГИМ. Муз. 3651) выделяется двумя особенностями. Первая — это изображение евангелистов в полный рост, в подвижных позах, взволнованных и вдохновенных, что придает фигурам сходство с византийскими образами пророков [Попова, 2003. С. 231–250; Смирнова, 2006. С. 35–36]. Несмотря на то что взоры евангелистов направлены чуть в сторону, их выражение передает внутреннее волнение и приковывает внимание созерцающего эти композиции. Вторая особенность этих иллюстраций состоит в том, что свитки евангелистов Матфея и Марка свешиваются с неба на специальных шнурках, что символизирует небесное происхождение деятельности евангелистов, небесное покровительство их труду — особенность новгородской книжной культуры, известная еще по миниатюрам Остромирова и Мстиславова Евангелий. Вероятно, иллюстрации Музейского Евангелия с изображениями Матфея и Марка исполнены неизвестным византийским мастером, творчество которого в Новгороде конечно же не ограничилось созданием этих миниатюр, но не дошло до нас в других сохранившихся от этого времени новгородских произведениях — ни в иконописи, ни в стенописях. Этот мастер с большой проницательностью и восприимчивостью осознал склонность новгородской культуры к акцентированию идеи небесного происхождения богослужебных рукописей. Миниатюра же Музейского Евангелия с евангелистом Лукой, тоже с фигурой в рост, имеет более традиционную иконографию и не столь экспрессивную характеристику, однако наделена высокой одухотворенностью.

Остальные фронтисписы новгородских рукописей последней трети XIV в. с авторскими портретами содержат строго «прямоличные» фигуры. В их художественной характеристике обнаруживаются большие различия. Резко выделяются своим внутренним наполнением прежде всего миниатюры «Псалтири Ивана Грозного», с вдохновенными и напряженными образами пророков Давида и Асафа. Трактовка этих изображений перекликается с искусством фрескистов «экспрессивного» направления в новгородской живописи и побуждает датировать миниатюры приблизительно 1370–1380-ми гг. [Попова, 2003. С. 283–284; Смирнова, 2006. С. 405–426]. Эти образы, как и миниатюры Музейского Евангелия (ГИМ. Муз. 3651) составляют «провизантийское» направление в новгородской книжной миниатюре последней трети XIV в., хотя эти два комплекса связаны, во-первых, с разными художественными оттенками в искусстве византийского мира, а во-вторых, они в разной степени соотносятся с местной культурой. Исполнитель миниатюр в «Псалтири Ивана Грозного» принадлежал к мастерам мощного «экспрессивного» течения в новгородской живописи последней трети XIV в., в рамках которого работали, видимо, не только приезжие греки, но и местные русские художники [Царевская, 2007. С. 272–290]. Между тем художественных параллелей миниатюрам Музейского Евангелия в сохранившихся русских памятниках не обнаруживается, хотя нет сомнения, что византийский мастер такого уровня, попав в Новгород, должен был бы работать не только

в области книжной иллюстрации, но и в других сферах живописи — в мону-ментальной росписи и в иконописи.

«Авторские портреты» в других новгородских рукописях, исполненные ближе к концу XIV столетия, по своему стилю тесно связаны с местной художественной почвой. В характеристике их образа наблюдаются вариации. Так, например, изображение Иоанна Златоуста в Служебнике (ГИМ. Син. 600) отличается утонченностью внутреннего мира, сдержанной внимательностью взгляда, тогда как в образе святителя в Словах Григория Богослова (ГИМ. Син. 43) открыто проявляются ласковость и душевность, что отражает интонации приближающегося XV столетия.

Почти все рассмотренные нами миниатюры (за исключением образов евангелистов в Музейском Евангелии, ГИМ. Муз. 3651, отразивших чисто византийскую художественную концепцию) объединены еще одной важной приметой. Это обрамление фигур, решенное в виде храма, с одной, тремя или пятью главами [Nekrasov, 1932; Смирнова, 2009]. Само по себе обрамление фигуры или сцены, скомпонованное в виде храма, восходит к традиции, существовавшей в искусстве Византии, хотя там этот прием не используется столь настойчиво, как в наших рукописях. Русская специфика, и в том числе особенно новгородская, состоит в том, что контуры храма передают силуэт постройки с очень высокими подкупольными барабанами, характерными для русского, а не для византийского зодчества, и заполнены сложным и экспрессивным тератологическим орнаментом. Это сочетание образует контраст между классическими по своим корням фигурами персонажей, так или иначе воспроизводящими и варьирующими византийскую традицию, и совсем другой по своим истокам и ритму орнаментикой. Таковы обе миниатюры в «Псалтири Ивана Грозного» (РГБ. Ф. 304. Троицк. III. № 7 / М. 8662); изображение Иоанна Златоуста в созданном ближе к концу XIV в. Служебнике (ГИМ. Син. 600); образ автора в Словах Григория Богослова (ГИМ. Син. 43); фигуры Давида в двух Псалтирях (РГБ. Ф. 205. № 167 и РНБ. Ф. п. 1.1).

В перечисленных миниатюрах мы видим выразительное художественное противостояние — и сюжетное, и стилистическое — между основным образом и его обрамлением. Трактовка авторских фигур так или иначе соответствует стилю позднепалеологовского искусства, с его уже очень отдаленными, но все же не исчезнувшими античными воспоминаниями, с его классицистической основой, многообразными оттенками внутренней характеристики, проявившимися на местной почве в упрощенной, но выразительной русской интерпретации. Между тем в заполнении обрамлений этих миниатюр полностью исключены какие бы то ни было классицистические реминисценции. Этот «звериный» орнамент, включающий в себя и образы сказочных чудовищ, и фантастические человеческие фигуры, принадлежит — и по мотивам, и по экспрессивной ритмике — к тем формам изысканной русской «синефонной» тератологии, которая, сменив предыдущую версию «звериного стиля», вошла в русскую рукописную традицию приблизительно на рубеже XIII и XIV вв. или в самом начале XIV в.

Как показывает материал, собранный в книге Г.И. Вздорнова, господство тератологического орнамента и его использование в качестве заполнения храмов-рамок для миниатюр характерны также и для иллюстрированных рукописей Москвы и провинциальных центров Северо-Восточной Руси [Вздорнов, 1980]. Правда, тератологические обрамления в виде храмов здесь используются не столь последовательно — реже, чем в Новгороде, а дошедшие до нас композиции исполнены не столь экспрессивно, как в новгородской книжности.

Для русских рукописей позднего XIV в., причем не только для новгородских, характерны и некоторые показательные изменения в мотивах и композиции тератологического орнамента. Продолжая использовать силуэт храма в качестве обрамления «авторского портрета», мастера теперь часто вводят в свой узор крупные плоские круги и квадраты, уменьшая количество собственно тератологических, «звериных» изображений. Это обедняет ритмику узора, но делает структуру рамки более монументальной и яснее читаемой. Такие новшества известны в искусстве обоих крупных русских регионов: и Новгорода, и Москвы с Северо-Восточной Русью⁵. В рукописях Новгорода сохранилось больше памятников с указанным декором: это, например, уже упоминавшиеся Служебник Иоанна Златоуста (ГИМ. Син. 600), Слова Григория Богослова (ГИМ. Син. 43), Псалтирь (РНБ. Ф.п.1.1). Торжественностью и даже известной статичностью таких обрамлений выявляется величие представленных внутри них фигур. Вместе с тем упрощение орнаментального заполнения изображенных храмов указывает на постепенно угасание активности тератологического орнамента в русских рукописях.

5 Укажем на московское так называемое Рогожское Евангелие конца XIV — начала XV в. (РГБ. Ф. 247. Рогожск. №136) [Вздорнов, 1980. Кат. 52].

ЛИТЕРАТУРА

- Вздорнов Г.И. Рукописи новгородского писца Фёдора // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1974. М.: Наука, 1975. С. 52–264.
- Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М.: Искусство, 1980. 551 с.
- Лифшиц Л.И. Очерки истории живописи древнего Пскова. Середина XIII — начало XV века. Становление местной художественной традиции. М.: Северный паломник, 2004. 470 с.
- Матвеев В., Щёголева Л. Книги временные и образные Георгия Мниха. В 2 т. М.: Наука, 2006–2011.
- Попова О.С. Новгородские миниатюры второй половины XIV в. и второе южнославянское влияние // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968. С. 179–200 (переизд.: Попова, 2003. С. 231–250).
- Попова О.С. Новгородские миниатюры второй четверти XIV в. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М.: Наука, 1974. С. 70–99 (переизд.: Попова, 2003. С. 205–230).
- Попова О.С. Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М.: Наука, 1983. С. 9–74.
- Попова О.С. Византийские и древнерусские миниатюры. М.: Индрик, 2003. 334 с.

- Розов Н.Н. Еще раз об изображении скomorоха на фреске в Мелётове. К вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.: Наука, 1968. С. 85–96.
- Сказание о Борисе и Глебе. Т. 1. Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). 156 с.; Т. 2. Научно-справочный аппарат издания. 149 с. М.: Книга, 1985.
- Смирнова Э.С. Русский лицевой Служебник в Нью-Йорке // Хризограф. Вып. 2. М.: Сканрус, 2005. С. 54–73.
- Смирнова Э.С. Заметки о миниатюрах и орнаменте Псалтири Ивана Грозного // София. Сб. ст. по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М.: Северный паломник, 2006. С. 405–426.
- Смирнова Э.С. Иконография Божественной инспирации в миниатюрах новгородского Евангелия апракос ГИМ, Муз. 3651, третьей четверти XIV века // Византия в контексте мировой культуры. Науч. конф., посвященная столетию со дня рождения Алисы Владимировны Банк (1906–1984). Тез. докл. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 35–36.
- Смирнова Э.С. Фронтисписы русских рукописей XI–XV вв. в виде храмов и их связь с особенностями русской иконографии // Хризограф. Вып. 3. М.: Сканрус, 2009. С. 349–371.
- Смирнова Э. Русская рукопись «Постнических слов Василия Великого» рубежа XIV–XV веков, РНБ, Ф.п.1.40, и ее миниатюры // Зограф. Т. 36. Београд, 2012. С. 171–178.
- Смирнова Э.С. Образы отцов церкви в новгородской миниатюре XIII–XIV веков // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Материалы науч. конф. 2012. Т. 5. М.: Изд-во МГУ, 2016. С. 104–123.
- Турилов А.А. Об одной группе каллиграфических рукописей первой половины — середины XIV в. (к вопросу о датировке Симоновской Псалтири) // Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. Тез. докл. междунар. конф. Москва 17–19 сентября 1998. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 36–37.
- Царевская Т.Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М.: Северный паломник, 2007. 613 с.
- Щепкина М.В. Тератологический орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М.: Наука, 1974. С. 219–223.
- Cutler A. The Aristocratic Psalters in Byzantium. Paris: Picard, 1984, 254 pp.
- Nekrasov A.I. Les frontispices architecturaux dans les manuscrits russes avant l'époque de l'imprimerie // L'ancienne Russie, les slaves catholiques. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Théodore Ouspenskij. Part 2. Paris, 1932, pp. 253–281.
- Popova O. Les miniatures russes du XIe au XVe siècle. Leningrad: Aurora, 1975. 170 pp. (переизд. по-русски: а) Попова О.С. Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 9–74; б) Попова О.С. Русская книжная миниатюра XI–XV вв. // Попова О.С. Византийские и древнерусские миниатюры. М.: Индрик, 2003. С. 259–308).

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Миниатюры с «авторскими портретами» в рукописях Великого Новгорода последней трети XIV века

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Энгелина Сергеевна — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, Москва, Российская Федерация, 125009; профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991. engelina32@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Составители священных текстов — евангелисты, пророк Давид, составители Литургии (особенно Иоанн Златоуст) — часто изображаются в древнерусской книжности. Их фигуры занимают там первенствующее положение, по сравнению с повествовательными композициями, иллюстрирующими текст, и фигурами тех святых, чьи деяния описываются в книге. Для книжности Новгорода рассматриваемого периода, в отличие от искусства Москвы и Северо-Восточной Руси, характерны не

композиции с авторами, пишущими или размышляющими сидя у стола и изображенными в трехчетвертном повороте, а фронтальные фигуры, обращенные к зрителю. Такие образы обеспечивают прямое и более духовное воздействие на зрителя. В большей части сохранившихся произведений фигура автора текста заключена в обрамление в виде храма, заполненное тератологическим орнаментом. Мотивы и ритмика этого орнамента, несмотря на некоторое упрощение в конце XIV в., составляют антитезу той византийской традиции, которая сохраняется в изображениях авторских фигур.

Ключевые слова

Рукопись, миниатюра, Новгород, авторский портрет, тератология, орнамент, храм.

Title

Miniatures with "Author's Portraits" in the Manuscripts of Veliky Novgorod of the Last Third of the 14th Century

Author

Smirnova, *Engelina Sergeevna* — Full Doctor, leading researcher, The State Institute for Art Studies, Kozitsky pereulok, 5, 125009 Moscow, Russian Federation; professor, Lomonosov Moscow State University, Lomonosovskii Prospekt, 27, korpus 4, Faculty of history, 119192 Moscow, Russian Federation. engelina32@mail.ru

Abstract

The authors of the sacred texts — the evangelists, the prophet David, the authors of the Liturgy (especially John Chrysostom) — are often depicted in Russian medieval manuscripts. Their figures occupy a preeminent position there, as compared with narrative compositions illustrating the text and figures of those saints whose acts are described in the book. However, unlike in the books of Moscow and North-Eastern Russia, in Novgorod's books of the period under consideration compositions with authors writing or reflecting sitting at the table in a three-quarter turn are not as common as frontal figures facing the viewer. Such images provide a direct and more spiritual impact on the viewer. In most of the surviving works, the figure of the author is enclosed in a framing in the form of a temple, filled with teratological ornament. The motives and rhythm of this ornament, despite some simplification at the end of the XIV century, constitute the antithesis of that Byzantine tradition which is preserved in the images of the author's figures.

Keywords

Manuscript, miniature, Novgorod, author's portrait, teratology, ornament, temple.

References

- Cutler A. *The Aristocratic Psalters in Byzantium*. Paris, Picard, 1984, 254 p.
- Dmitriev L.A. *Legend of Boris and Gleb*. Moscow, Kniga Publ., 1985, vol. 1: Facsimile Reproduction of the Saints' Hagiographies from Silvestrovsky collection (2nd half of the 14th century), 156 p.; vol. 2: Scientific reference apparatus, 149 p. (in Russian).
- Lifshits L.I. *Ocherki istorii zhivopisi drevnego Pskova. Seredina XIII — nachalo XV veka. Stanovlenie mestnoi khudozhestvennoi traditsii (Essays on the History of Painting of Ancient Pskov. The Middle of the 13th — the Beginning of the 15th Century. Formation of the Local Artistic Tradition)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2004, 470 p. (in Russian).
- Matveenko V., Shchegoleva L. *Knigi vremennye i obraznye Georgiia Mnikha (The Chronicles of George the Monk)*. Moscow, Nauka Publ., 2006–2011, 2 vols. (in Russian).
- Nekrasov A.I. Les frontispieces architecturaux dans les manuscrits russes avant l'époque de l'imprimerie. *L'ancienne Russie, les slaves catholiques. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Théodore Ouspenskij*, part 2. Paris, 1932, pp. 253–281 (in French).
- Popova O. *Les miniatures russes du XIe au XVe siècle*. Leningrad, Aurora Publ., 1975, 170 p. (in French).
- Popova O.S. *Byzantine and Old Russian Miniatures*. Moscow, Indrik Publ., 2003, 334 p. (in Russian).

- Popova O.S. Novgorod Miniatures of the Second Half of the 14th Century and the Second South Slavic Influence. *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kul'tura Novgoroda (Old Russian Art. Art Culture of Novgorod)*. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 179–200 (reprint: Popova, 2003, pp. 231–250) (in Russian).
- Popova O.S. Russian Book Miniature of the 11th–15th Centuries. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaia kniga (Old Russian Art. Manuscripts)*, vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 70–99 (reprint: Popova, 2003, pp. 205–230) (in Russian).
- Rozov N.N. Once again about the Image of the Buffoon on the Fresco in Meletovo. On the Question of the Relationships of Monumental Painting with Miniature and Ornament. *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kul'tura Pskova Old Russian Art. Artistic Culture of Pskov*. Moscow, Nauka, 1968, pp. 85–96 (in Russian).
- Shchepkina M.V. Teratological ornament. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaia kniga (Old Russian Art. Manuscripts)*, № 2. Moscow, Nauka, 1974, pp. 219–223 (in Russian).
- Smirnova E. Russian Manuscript of St. Basil the Great's Homilies on Fasting of the turn of the 14th–15th Centuries, the NLR, F.p.I.40, and its Miniatures. *Zograf*, vol. 36, Beograd, 2012, pp. 171–178 (in Russian).
- Smirnova E.S. Frontispieces of Russian Manuscripts of the 11th–15th Centuries in the Form of Temples and Their Connection with the Peculiarities of Russian Iconography. *Khrizograf (Chrysograph)*, № 3, Moscow, Skanrus Publ., 2009, pp. 349–371 (in Russian).
- Smirnova E.S. Iconography of the Divine Inspiration in miniatures of the Novgorod Gospel Aprakos GIM, Mus. 3651, third quarter of the 14th century. *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury. Nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia stoletiiu so dnia rozhdeniia Alisy Vladimirovny Bank (1906–1984) (Byzantium in the context of world culture. Scientific conference dedicated to the centenary of the birth of Alisa Vladimirovna Bank (1906–1984). Theses of reports)*. Saint-Petersburg, State Hermitage Publ., 2006, pp. 35–36 (in Russian).
- Smirnova E.S. Images of the Church Fathers in the Novgorod Miniature of the 13th–14th Centuries. *Lazarevskie chteniia. Iskusstvo Vizantii, Drevnei Rusi, Zapadnoi Evropy. Materialy nauchnoi konferentsii 2012 (The Lazarev Readings. The Art of Byzantium, Old Russia and Western Europe. Proceedings of the Scientific Conference 2012)*, vol. 5. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2016, pp. 104–123 (in Russian).
- Smirnova E.S. Notes on Miniatures and Ornaments of the Psalter of Ivan the Terrible. *Sofia. Sbornik statei po iskusstvu Vizantii i Drevnei Rusi v chest' A.I. Komecha (Sophia. Collection of Articles on Byzantine and Old Russian Art in Honor of A.I. Komech)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2006, pp. 405–426 (in Russian).
- Smirnova E.S. Russian Illuminated Prayer-Book in New-York. *Khrizograf (Chrysograph)*, № 2. Moscow, Skanrus Publ., 2005, pp. 54–73 (in Russian).
- Tsarevskaia T.Iu. *Rospis' tserkvi Feodora Stratilata v Novgorode i ee mesto v iskusstve Vizantii i Rusi vtoroi poloviny XIV veka (The Frescoes of the Theodore Stratilates Church in Novgorod and its Place in the Art of Byzantium and Russia of the Second Half of the 14th Century)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007, 613 p. (in Russian).
- Turilov A.A. About One Group of Calligraphic Manuscripts of the First Half — Middle of the 14th Century (On the Question of the Dating of the Simonov Psalter). *Iskusstvo rukopisnoi knigi. Vizantiia. Drevniaia Rus'. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii. Moskva 17–19 sentiabria 1998 (Art of a Manuscript. Byzantium. Old Russia. Abstracts of the International Conference. Moscow September 17–19, 1998)*. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998, pp. 36–37 (in Russian).
- Vzdornov G.I. *Iskusstvo knigi v Drevnei Rusi. Rukopisnaia kniga Severo-Vostochnoi Rusi XII — nachala XV vekov (The Art of the Book in Old Rus'. Manuscripts of Northeast Russia in 12th — early 15th centuries)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980, 551 p. (in Russian).
- Vzdornov G.I. Manuscripts of Fedor, a scribe from Novgorod. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia. Ezhegodnik. (Monuments of Culture. New Discoveries. Writing. Art. Archeology. Annual periodical)*. 1974. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 252–264 (in Russian).